

Уже поздно, но это все время, что у нас есть: тридцать третье письмо (2020).

Джамиль Молаеб (Ливан), Без названия, октябрь 2019.

Дорогие друзья и подруги,

Приветствую вас из кабинета **Tricontinental: Института социальных исследований**.

В Бейруте и Ливане не происходит ничего, что является достаточно ясным; всевозможные интриги плетутся против простых людских надежд. После чудовищного взрыва невозможно было представить, что на него найдётся самое разумное объяснение. Было множество различных слухов, но слухи не несли в себе никакого объяснения. Людям было ясно, что на этот раз — в отличие от стольких других — именно их собственная политическая система несла ответственность за чудовищный взрыв, который произошел в разгар пандемии, валютного и экономического кризиса, усугубленного давней и неразрешенной политической ситуацией.

В Институте социальных исследований Tricontinental выходит **Красная тревога №8: Взрыв в Бейруте**. Эта красная тревога была составлена при участии организаций и товарищей из Ливана, за чей вклад мы им очень благодарны.

Красная тревога: Взрыв в Бейруте.

Ранним вечером 4 августа произошел пожар на складе №12 в порту Бейрута, столице Ливана (с населением 6,8 миллиона человек, в том числе более миллиона беженцев). Огромный столб дыма поднялся от огня, который затем затмил взрыв, чья мощная сила вырвалась наружу и сокрушила части города. Порт был немедленно сравнен с землёй; ударная волна достигла примерно 15 километров во всех направлениях. По меньшей мере 70 000 домов были повреждены, некоторые из них больше не пригодны для проживания; по меньшей мере 160 человек погибли; 5000 человек получили ранения; неизвестное количество людей все ещё числятся пропавшими без вести; две больницы были разрушены. Это самый большой взрыв, который когда-либо происходил в Ливане, несмотря на его историю французской колонизации, интервенций США, израильских нападений и оккупаций, а также его пятнадцатилетнюю гражданскую войну.

Что произошло?

Вскоре появились доказательства того, что причиной взрыва стал не корабль с оружием, фейерверки или ракета, а здание, в котором находилось 2750 тонн аммиачной селитры, небрежно хранившейся на портовом складе с ноября 2013 года.

Аммиачная селитра — это легковоспламеняющееся химическое вещество, которое используется в удобрениях, взрывчатых веществах и ракетном топливе. В 2013 году с этим грузом в Бейрут прибыло грузовое судно MV Rhosus под молдавским флагом, которое направлялось в Бейру (Мозамбик). Портовые чиновники конфисковали судно, которое не было пригодно для плавания, и конфисковали то, что они называли “опасным грузом”. Шесть раз в период с 2014 по 2017 год таможенники обращались к судье по срочным делам в Бейруте за указаниями о том, как продать или распорядиться грузом. Вполне вероятно, что аммиачная селитра поступила в виде Nitroprill, который является взрывчатым веществом, используемым на угольных шахтах. Даже небольшой пожар может привести к катастрофическому взрыву аммиачной селитры. На том же складе хранились и фейерверки. Были арестованы более 19 должностных лиц, в том числе директор порта Бейрут и директор таможни. Ведется расследование.

Пауль Гилагосян (Ливан), *La Grande Marche* / Великий Марш, 1987.

Что такое несчастный случай?

Несчастный случай — это то, что нельзя предвидеть, когда нет никого, ответственного за то, что произошло. Взрыв в Бейруте 4 августа не был случайностью. Легковоспламеняющийся груз хранился на складе более шести лет; этот склад находится в порту Бейрута и примыкает к жилым кварталам Геммайзе и Карантина. За последние шесть лет таможенники — с явными политическими пристрастиями — сообщали об опасности. Власти знали о возможности взрыва, но ничего не сделали.

Этот взрыв стал чудовищным венцом ужаса тридцатилетней политической системы, которая образовалась после Гражданской войны, когда лидеры ополченцев гражданской войны поменяли свои униформы на деловые костюмы. Встреча по Таифскому соглашению 1990 года, призванная положить конец гражданской войне, никого не привлекла к ответственности. Она сделала прямо противоположное и узаконила сектантское руководство в правительстве страны; сектантские военачальники гражданской войны стали хранителями разрушенного ими государства. Коррупцированный политический класс обогатил себя, лишив финансирования школы, больницы и все государственные службы; они превратили эти социальные службы в клиентелистские инструменты. Кроме того, неолиберальный порядок и перестройка, приведенные в жизнь бывшим премьер-министром миллиардером Рафиком Харири, укоренили живучую клановую капиталистическую систему, которая уже имела в Ливане до Гражданской войны. Перестройка Харири была сосредоточена исключительно на привлечении и получении выгод от иностранных инвестиций из стран Персидского залива для обогащения прибыльного банковского сектора (в котором большинство политиков имеют прямые

доли), восстановления эксклюзивного центра города, принадлежащего его корпорации Solidere, и других пронизанных коррупцией и непроизводительных секторов.

Глубоко укоренившаяся клиентоориентированность ливанской сектантской системы и ее органическая связь с иностранными интересами позволили лидерам сектантских группировок сохранить власть. Их способность предоставлять основные социальные услуги своим последователям, используя государственные аппараты и ресурсы, уменьшалась по мере того, как росла их жадность и их поступки оставались вне контроля. Самое главное, что их способность защищать население от бедствий уменьшилась, как и их заинтересованность в этом. Детали того, как эта аммиачная селитра лежала в порту в течение шести лет, не так важны, как бездушная, дисфункциональная и архаичная ливанская сектантская система, которая никогда не могла привлечь к ответственности никого из находящихся у власти.

Каковы будут экономические последствия?

Несмотря на то, что Ливан считается страной с доходом выше среднего, ранее существовавшее неравенство и нищета усугубились сирийским кризисом; последствиями тридцатилетней политической борьбы и связанной с ней неустойчивой экономической политикой; восстанием против политического класса в октябре 2019 года; многочисленными израильскими вторжениями; а теперь и пандемией. Ливанская лира потеряла 80% своей стоимости с сентября 2019 года, практически без надежды на какое-либо решение кризиса ликвидности и кредитования, а также обвала потребительского спроса и роста гиперинфляции. По иронии судьбы наличные деньги, которые, как ожидается, поступят в страну в качестве помощи в ответ на бедствие, станут лишь спасательным тросом для правящего класса и отсрочат его неизбежный крах.

В Ливане проживает самое большое число беженцев в мире по сравнению с его населением: по некоторым оценкам, 1,5 миллиона беженцев из соседней Сирии присоединились к 200 000 палестинским беженцам, которым на протяжении многих поколений отказывают в праве вернуться на родину. Даже до ускоряющейся в настоящее время финансовой дезинтеграции Ливана в 2019 году безработица среди молодежи оценивалась почти в 40%, в то время как 73% сирийских беженцев, 65% палестинцев и 27% ливанского населения жили в нищете. В июне 2020 года было подсчитано, что почти половина населения страны оказалась в нищете. Мигранты, работающие в качестве домашней прислуги, которых в стране насчитываются сотни тысяч, живущих в условиях правовой системы *кафала*, приравненной к современному рабству — страдают еще больше, поскольку их работодатели отказываются платить им; и они не имеют возможности вернуться в свои родные страны. Колоссальный ущерб, нанесенный взрывом домам, больницам, организациям и предприятиям — особенно порту, через который импортируется 80% необходимых Ливану товаров, — подтолкнул страну к краю пропасти.

У Ливана когда-то была одна из самых передовых систем здравоохранения в арабском мире. Однако неолиберальная политика ливанского правящего класса разрушила систему здравоохранения, которая разволилась перед лицом пандемии COVID-19. В стране насчитывается 26 государственных больниц и 138 частных больниц; 90% основных

медикаментов и 100% медицинского оборудования импортируются. Медицинские работники протестуют против невыплаты зарплат; пациентам не хватает мест в больницах.

Разрушение этого ключевого порта делает страну практически неспособной обеспечить себя продовольствием и медикаментами (порт в Триполи может, в лучшем случае, вместить только 40% мощностей, которые раньше проходили через Бейрут); силосы вблизи взрыва, в которых хранились многомесячные запасы зерна, были разрушены; государственные субсидии на лекарства, хлеб и газ планируют отменить. Общий экономический ущерб для страны значителен — свыше \$5 миллиардов долларов для страны с ВВП в лучшем случае в \$56 миллиардов долларов.

Зена Асси (Ливан), Бейрут, Мой город, 2010.

Каков будет политический исход?

С 17 октября 2019 года Ливан стал свидетелем непрерывных протестов из-за коррупции и ухудшения социальной ситуации, а также экономического, экологического и политического кризисов. В течение последних девяти месяцев происходили протесты за регулярное электроснабжение и водоснабжение, подотчетные учреждения, свободные от коррупции, надежную судебную систему, надёжную валюту, а также несектантскую политическую и экономическую систему.

Эммануэль Макрон, президент Франции, приехав в Бейрут, вызвал и отчитал политических лидеров, прочитал им лекцию о государственном управлении и пообещал денег и реформ. Тем временем неподалеку молодые люди требовали освободить политзаключенного Жоржа Ибрагима Абдаллу, содержащегося в французской тюрьме; политические соображения побудили французские власти отклонить решение суда о его освобождении. Конференция доноров, возглавляемая Францией, собрала 250 миллионов евро чрезвычайной помощи Ливану, которая идет с привязкой к углублению зависимости от Международного валютного фонда и его социально-экономических условий.

С момента взрыва именно группы в основном молодых людей, а не правительственные чиновники или рабочие, убирали улицы и помогали людям, пострадавшим от взрыва, от рабочих кварталов в Карантине до кафе ресторанов в районе Геммайзе. Политический класс, не теряя времени, пытался извлечь выгоду из «возможностей», возникших в результате взрыва, хотя тела и даже выживших все еще выкапывали из-под обломков.

8 августа массовые уличные протесты требовали немедленного привлечения к ответственности всех причастных, включая немедленное расследование с быстрыми результатами и арест высокопоставленных правительственных чиновников, ответственных за эту катастрофу. Протестующие штурмовали министерства и другие учреждения в символическом акте восстановления страны. Государственные репрессии были жесткими, но они не ослабили настроение людей.

8 августа 2020 года епископ Педро Касальдалига Пла **скончался** в больнице Санта-Касаде-Бататаис в штате Сан-Паулу. Католический священник, родившийся в Испании, Касальдалига был одним из главных лидеров теологии освобождения и важным союзником коренных общин Бразилии. В 1971 году он написал пастырское письмо «Церковь Амазонки в конфликте с крупными землевладельцами и социальной маргинализацией», в котором атаковал бесчеловечную систему, выразившуюся в геноциде против коренных общин Амазонки. Его глубокая любовь к человечеству было выражено в его поэзии. В память о нем мы делимся его стихотворением «*Nuestra hora*», «Наше время».

*Уже поздно
но это наше время.*

*Уже поздно
но это все время, что у нас есть
чтобы создать будущее.*

*Уже поздно
но это мы этот
поздний час*

*Уже поздно
Но это ранее утро
Если мы на этом стоим
Немного.*

Бразилия Касальдалиги в настоящее время находится в глубоком бедствии: более 100 000 человек погибли от COVID-19 и более трех миллионов человек инфицированы этой болезнью. Профсоюзы, представляющие бразильских работников здравоохранения, а также организации афро-бразильцев и коренных общин, подали иск в Международный уголовный суд; они обвиняют президента Жаира Болсонару в преступлениях против человечности. Пожалуйста, прочтите мою **статью** по этому важному судебному делу.

В своей статье я спросил Юлиану Родригес, медсестру-лаборантку больницы Сан-Висенте в Жундиаи, о ее мужестве идти на работу в таких тяжёлых условиях. “Если я не буду продолжать работать сейчас”, — сказала мне Джулиана, — “Что я буду делать? Медицинская работа — это призвание и её нужно выполнять с любовью, самоотверженностью и заботой о людях. Точно так же, как мы уже живем с

антибиотикорезистентными бактериями, COVID-19 будет с нами еще долгое время". Джулиана и основные работники по всему миру продолжают идти путем служения людям, по которому шел и епископ Педро Касальдалиги.

С теплотой, Виджай.